

Вэнь Сюэчао немного подумал и поделился с Чжао Фэнцы своими взглядами на жизнь:

— Ваше Высочество только что говорили, что человеческая жизнь хрупка, и ни одно утро не гарантирует вечера. Однако я слышал от Наставника Чжу, что жизнь подобна утренней росе, зачем же так долго мучить себя? Если Ваше Высочество уже сделали всё возможное, то в будущем не будет причин для страха. Делайте, что должны, и доверьтесь воле Неба — тогда жизнь станет немного радостнее.

— Разве я не знаю этого? — Чжао Фэнцы горько улыбнулся. — Но только после этого случая я понял, насколько велик этот мир, и что мы — всего лишь песчинки в океане. Всё в этом мире происходит не по нашей воле, и это вызывает у меня некоторое недовольство.

— Дело с супругой наследного принца ещё не решено. Если представится возможность, Ваше Высочество и госпожа Чжу, возможно, ещё встретитесь в будущем, — Вэнь Сюэчао, видя, что Чжао Фэнцы всё ещё выглядит подавленным, поспешил утешить его.

Чжао Фэнцы тихо промычал в ответ. Вэнь Сюэчао, заметив, что тот устал, поднялся и попрощался. Чжао Фэнцы, глядя в боковое окно, увидел, как в противоположной комнате зажёгся свет, но вскоре он погас.

Маленький дворик погрузился во тьму, и сонливость, подобно приливу, охватила Чжао Фэнцы. В полузабытьи он подумал: «Вэнь Сюэчао мастерски излагает высокие идеи, но что из его слов о "доверии воле Неба"? Пьянство, кража лошади наследного принца, разрушение собственной репутации ради других, крики о том, что его преследуют злые духи, лицо, постоянно покрытое царапинами, и беспорядки, которые он устроил во всём городе — какая часть этого соответствует "доверию воле Неба"?»

Прошло уже больше месяца, и живот Чжаои Цзинъян становился всё более заметным. Император Цзинъян всё чаще посещал Дворец Жэньмин. Из медицинского управления ежедневно отправляли врачей для дежурства в покоях Чжаои, что свидетельствовало о важности, которую император придавал своему будущему наследнику.

Придворные хорошо понимали, что с момента рождения восьмой принцессы в шестнадцатый год эпохи Юнпин, в императорском дворце уже почти десять лет не было потомства. В народе ходили слухи, что у императора Цзинъян недостаточно мужской силы, но разве может быть такое, чтобы у истинного Сына Неба не хватало этой силы? Подобные слухи вскоре были подавлены. На южных границах даже распространились слухи, что император Цзинъян отравлен крайне иньским ядом и уже давно не способен к супружеской жизни. Такие слухи, то явно, то скрыто, циркулировали в Великой Фу много лет, и каждый раз, когда император Цзинъян слышал их, он приходил в ярость.

Теперь, когда в императорском дворце должен был появиться наследник, подобные слухи естественным образом развеялись.

Вэнь Сюэчао регулярно приходил в павильон Цзиньлан, чтобы Сылу наносила ему лекарство, и постепенно сблизился с этой главной служанкой Дворца Жэньмин. Сылу отличалась от обычных служанок — она была домашней рабыней, которую Чжаои Цзинъян привезла из резиденции Чжэньбэй, и её характер был более живым, а язык — более острым. Вэнь Сюэчао всегда был сладок на язык и обладал приятной внешностью, которая нравилась всем, и Сылу, видя его симпатичным, при нём хвалила свою госпожу и маленького принца.

Например, Чжаои Цзинъян в Чжэньбэй звали «Господин Янчжу», потому что она часто сопровождала отца в походах, и её женская фигура сияла, как солнце, а её белоснежная кожа

напоминала свечу. В юности её характер был похож на грубоватый нрав Чжу Жун. После рождения пятого принца Чжаои Цзинъян стала более мягкой и заботливой, внимательно ухаживая за своим маленьким сыном.

Она также рассказывала, что до пяти лет пятого принца воспитывала лично Чжаои, и в детстве он был очень шаловливым, бегая и прыгая по дворцу. Чжаои говорила, что с самого детства в нём было видно задатки воина. Теперь, вернувшись из-за границы, его характер стал более сдержанным. Когда пятого принца отправили из дворца, Чжаои Цзинъян тяжело заболела, и с тех пор её здоровье сильно ухудшилось.

Касаясь дворцовых секретов, Сылу не могла говорить слишком много, но Вэнь Сюэчао запомнил её слова.

В тот год, когда он поступил во дворец в качестве наставника наследного принца, Чжао Фэнцы был отправлен в Сайбэй. Что тогда произошло, почему все, говоря об этом, замолкали? В этом определённо была какая-то тайна.

Чжао Цимяо явно не сказал ему всей правды.

За те немногие встречи с Чжаои Цзинъян, включая случайную встречу несколько лет назад в храме, Вэнь Сюэчао всегда сохранял о ней хорошее впечатление. А что касается Чжао Фэнцы, Вэнь Сюэчао не мог понять, что он чувствует к этому человеку. Когда он впервые увидел Чжао Фэнцы в Академии Шаншу, тот казался спокойным и немногословным. Вэнь Сюэчао заинтересовался им, желая посмотреть, как долго этот «белый холст» сможет сохранять свою чистоту в этом огромном дворцовом котле. Однако, после нескольких попыток выяснить его характер, он обнаружил, что этот пятый принц не только более сдержан, чем он ожидал, но и знает, как сохранять себя в тени и скрывать свои истинные намерения. В этом огромном Гуанъяне, кроме немного хитрого четвёртого принца Чжао Яньшэна, только он смог разглядеть его истинную сущность.

Чжао Фэнцы не только увидел её, но, возможно, также догадался о многих вещах, которые он пытался скрыть. Более того, этот человек был глубокомысленным — он не раскрывал своих догадок и не использовал их, а просто наблюдал со стороны, холодно смотря, насколько далеко он сможет зайти.

Вэнь Сюэчао чувствовал, что Чжао Фэнцы был для него особенным — это было волнение от встречи с достойным соперником, или взаимное уважение между равными, или же яркая искра в зелёной листве. Каждый раз, когда он думал об этом человеке, его кровь начинала кипеть.

В тот день, когда он стал свидетелем любовной драмы между Чжу и Чжао, Вэнь Сюэчао почувствовал лёгкую грусть. Но позже, вспоминая это, он понял, что, возможно, просто считал, что грубая и невоспитанная госпожа Чжу не достойна Чжао Фэнцы, и это вызывало у него недовольство.

Кто же сможет завоевать внимание этого высокомерного принца? Впрочем, кем бы он ни был, это точно не будет Чжу Жун, — с досадой подумал господин Вэнь.

В один из вечеров в конце лета закат окрасил половину неба Гуанъяна в красный цвет. У Дворца Жэньмин собралась толпа людей, несколько врачей поспешно вышли из паланкинов и направились к заднему залу — говорили, что у Чжаои Цзинъян отошли воды.

Услышав новости о том, что Чжаои Цзинъян начала рожать, Вэнь Сюэчао поспешно взял свой пропуск и отправился во дворец. Как посторонний мужчина, он вряд ли мог появиться рядом с

Дворцом Жэньмин. Поэтому он нашёл беседку в павильоне Цзяньюнь неподалёку, сел пить чай и ждал новостей из Дворца Жэньмин.

Рождение нового наследника было большой радостью для дворца, и после этой ночи, вероятно, политическая ситуация вновь изменится.

Примерно через два часа шум вдалеке стал стихать, и Вэнь Сюэчао поднялся, чтобы направиться к Дворцу Жэньмин. Только выйдя из павильона Цзяньюнь, он издали увидел, что экипажи императора и императрицы также остановились у Дворца Жэньмин, а евнухи и служанки стояли на коленях.

Чтобы не привлекать внимания, Вэнь Сюэчао спрятался в тени дерева.

В этот момент из дворца вышел главный евнух и что-то сказал стоящим на коленях служанкам. В толпе раздался шум, и одна из служанок вдруг разрыдалась, а остальные начали плакать, прикрывая лица рукавами.

Вэнь Сюэчао почувствовал, что произошло что-то плохое. Он огляделся и, не увидев поблизости гвардейцев Юйлинь, с помощью своих скромных навыков взобрался на большое дерево позади себя. Густые ветви скрыли его фигуру, и он, раздвинув одну из веток, осторожно посмотрел во внутренний двор Дворца Жэньмин.

Во дворе стояли на коленях врачи из медицинского управления, но главного врача среди них не было — вероятно, он всё ещё находился в зале. Несколько служанок выносили из заднего зала тазы, полные крови, ставили их во дворе и поспешно возвращались обратно. Затем Вэнь Сюэчао увидел знакомую фигуру.

Чжао Фэнцы стоял у дверей зала, как деревянная кукла. Он просто стоял на месте, не обращая внимания на суетящихся вокруг слуг, с растерянным и потерянным выражением лица. Одна из служанок, выходя из зала, споткнулась о порог, и деревянный таз упал на землю, а красная вода потекла по сапогам Чжао Фэнцы. Служанка в панике упала на колени и начала кланяться, но он оставался неподвижным, по-прежнему стоя на месте и пристально глядя на двери Дворца Жэньмин.

Чжао Фэнцы простоял у дверей целый час, и Вэнь Сюэчао, затаив дыхание, наблюдал за ним с дерева. Затем главный евнух императора Цзинъян вышел из зала, что-то сказал Чжао Фэнцы и повёл его внутрь. Вэнь Сюэчао, глядя на удаляющуюся фигуру Чжао Фэнцы, заметил, что его шаги были слегка неуверенными.

Вэнь Сюэчао продолжал оставаться на дереве.

Через некоторое время из Дворца Жэньмин вышла группа людей. Император Цзинъян шёл впереди, выглядел крайне разгневанным, как будто готовым в любой момент взорваться. Императрица Вэнь шла за ним, казалось, она пыталась что-то объяснить, но император остановил её жестом. Экипажи императора и императрицы покинули Дворец Жэньмин, и гвардейцы Юйлинь последовали за ними. Во всём Дворце Жэньмин, кроме громкого плача, больше не было слышно других звуков.

Вэнь Сюэчао начал беспокоиться о безопасности Чжао Фэнцы и уже собирался спуститься с дерева, как вдруг услышал низкий и протяжный звон колокола, доносящийся с западной стороны заднего сада. Один удар, второй — печальный звон колокола разнёсся по всему дворцу.

Два удара колокола означали, что во дворце скончалась одна из императорских жён.

<http://bllate.org/book/16846/1550036>